

Номинации лекарственных растений в Тешинской Силезии, мотивированные их лечебным действием

В исследовании рассматриваются названия лекарственных растений, применяемых в Тешинской Силезии в народной медицине и ветеринарии, в которых отражено воздействие растений на больного. Внутренняя форма названий этих трав была прозрачна для носителя языка и воспринималась им как «инструкция по применению» растения в лечебных целях. Поэтому номинации растений, мотивированные их лечебным действием, могут быть предметом этнолингвистического исследования. В качестве типичных мы указываем четыре мотивационных признака: название органа или части тела, на которые данное растение действует; болезнь, которую оно лечит; результат воздействия на больной орган; человек или животное, для лечения которых оно используется. Каждый тип номинации проиллюстрирован конкретными примерами. В ряде случаев в качестве сравнительного приводится материал современного чешского и других славянских языков.

Ключевые слова: *лекарственные растения, славянские языки, этнолингвистика, чешский язык, Тешинская Силезия, этноботаника.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.3.03

Метафорические наименования растений привлекают внимание исследователей уже давно. Способы, которыми наши предки именовали растения, свидетельствуют об очень продолжительном культурном опыте. В номинациях растений сокрыты образы, отражающие древнее мировоззрение, и эти номинации могут быть значительно старше, чем самые старые сохранившиеся лечебники и травники. Они дают нам возможность реконструировать то, как понимали наши предки физический и духовный мир. В нашем исследовании мы обратимся к метафорическим наименованиям одной важной группы растений, а именно лекарственных трав. Способность растений, которую им

приписывал человек в традиционной культуре, излечивать ту или иную болезнь обусловила появление у них устойчивых номинаций с прозрачной внутренней формой. Йозеф Чижмарж в фундаментальном двухтомном исследовании «Народная медицина в Чехословакии» в связи с этим пишет: «Своеобразие чешской народной медицины проявляется, главным образом, в том, что для многих целебных растений народ использует собственные старочешские названия, которые уже сами по себе указывают на то, от какой болезни помогают» (Šižmař 1946: 7). С точки зрения современной лингвистики это утверждение является излишне обобщенным и несколько романтизированным (его автор был по образованию фармацевтом, и в некоторых его воззрениях отражались идеи XIX века), однако в известной степени корректным. Речь идет о группе лекарственных растений, чьи названия отсылают к обозначениям болезни, симптомов или частей тела, на которые, согласно знаниям народной медицины, эти растения оказывают влияние.

Знания в области терапии и профилактики болезней были отчасти эмпирическими, отчасти иррациональными и опирались на магию и религию, что было обусловлено самим пониманием природы и причин болезни. Немаловажную роль играла и традиция, будь то традиция устная или более поздняя, зафиксированная в письменной форме. Мы не ставим себе целью проанализировать практики народной медицины с точки зрения современного научного знания, хотя в области фитотерапии официальная медицина широко использовала опыт народной медицины, который изучала и развивала. В связи с этим мы используем термин *лекарственные растения* так, как он понимается в народной медицине, а не в современной фармакологии, для которой действенность некоторых рассматриваемых растений является вторичной или вообще лишь воображаемой.

В дальнейшем описании мы будем опираться в основном на следующие исследования, посвященные метафорическим номинациям растений в чешском языке. Во-первых, это относительно старая работа одного из ведущих чешских этимологов Вацлава Махека «Чешские и словацкие названия растений» (Machek 1954), которая тем не менее с учетом некоторых замечаний современных исследователей относительно этимологии ряда наименований до сих пор остается вне конкуренции. Во-вторых, это работа Зденьки Гладкой «Метафорические названия растений в чешских диалектах» (Hladká 2000), в которой систематизируются принципы номинации растений в диа-

лектах чешского языка. Чешская традиционная медицина рассматривается в уже упомянутой двухтомной монографии Й. Чижмаржа «Народная медицина в Чехословакии» (Čižmář 1946). Четвертой работой, послужившей материалом для предлагаемого исследования, стала этнолингвистическая публикация «Растения, используемые в Тешинской Силезии в народной медицине, и их названия» (Vilímek 2015), в которой впервые удалось собрать воедино почти всю палитру номинаций растений (трав, кустарников, деревьев и грибов) местного происхождения, использовавшихся в народной медицине Тешинской Силезии.

При определении объекта исследования мы должны отметить, что в первую очередь мы ориентируемся на область народной медицины, касающейся лечения человека, хотя народная ветеринария в жизни наших предков имела по меньшей мере столь же важное значение. Хотя животноводство в Тешинской Силезии (разведение крупного и мелкого рогатого скота, в меньшей степени лошадей) играло весьма существенную, а подчас и главную роль в жизни сельской общины, в этнографических исследованиях народной ветеринарии не уделялось столь серьезного внимания, как народным практикам лечения человека.

Ареал изучаемых языковых и культурных явлений ограничивается Тешинской Силезией. Она была выбрана прежде всего потому, что это весьма своеобразный регион, в народной культуре которого на протяжении долгого времени — в горных районах вплоть до середины XX в. — сохранялись характерные особенности. Это регион проживания смешанного чешского и польского автохтонного населения, находящегося, кроме того, в тесном контакте со словацким этносом. В результате в материальной, духовной культуре и в языке населения этого региона обнаруживаются черты более широкого культурного единства славянских народов Карпат.

3. Гладка, диссертация которой посвящена метафорическим народным наименованиям растений в чешском языке, рассматривает среди наиболее распространенных факторов, обуславливающих диалектную номинацию, следующие: а) внешний вид (цветка, листа...); б) свойства (вкус, запах, движение...); в) место и время роста; г) применение (Hladká: 27–28). Также в наименовании лекарственного растения может быть упомянута практическая цель, с которой его используют. Речь идет о номинациях, указывающих на некое свойство, которое считалось настолько важным и типичным, что отразилось в названии данного растения.

Издание, посвященное лекарственным растениям, используемым в традиционной медицине в Тешинской Силезии, упоминает, согласно современной ботанической науке, 173 их вида. Им соответствует значительно большее число диалектных наименований, так как для одного растения в разных местах изучаемого региона могут использоваться разные названия, которые могут к тому же сосуществовать друг с другом. Из собранных народных названий в общей сложности 17 мотивированы их лечебным воздействием на человека (Vilímek 2015: 153–154). К ним относятся (названия даются в алфавитном порядке):

*bjedřůňec, bederník, bedernica*¹ — бедренец камнеломковый (*Pimpinella saxifraga*),

bradavňík — очанка лекарственная (*Euphrasia rostkoviana*),

čiščica — марьянник лесной (*Melampyrum silvaticum*),

dobro mysl, dobra mysel, dobromyšl, dobromyšel, dobrotňica — душица обыкновенная (*Origanum vulgare*),

hlistůňík, hlistovačůňík — золототысячник приморский (*Centaureum vulgare*),

hluzovjec, hluzak — морозник зеленый (*Helleborus viridis*),

krafska zelina — переступень белый (*Bryonia alba*),

koltunova zelina — переступень белый (*Bryonia alba*),

koštyvol, koštyfol, koščivol — окопник лекарственный (*Symphytum officinale*),

krvavňík, krvovňík — тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium*),

matično zelina olivova — мята длиннолистная (*Mentha incana*),

notkova zelina, сокращенно *notkovjanka, notka, natka* — мята полевая (*Mentha arvensis*),

pobapčane listki, babi listi, babi listek, babi uši — подорожник (виды *Plantago*),

potrava — лапчатка прямостоячая (*Potentilla erecta*),

---

¹ Большинство авторов, к исследованиям которых мы обращаемся, не упоминают, где именно они встретили то или иное конкретное название; термины не всегда транскрибируются корректно, к тому же могут бегемизироваться или полонизироваться. Поэтому мы решили дать их в обобщающей транскрипции, выполненной по методике Даны Давидовой для силезских диалектов чешского языка (Davidová 1992: 70–73). Ударным является всегда предпоследний слог, поэтому ударение можно не обозначать.

plučník — медуница лекарственная (*Pulmonaria officinalis*),
skřotkova zelina — переступень белый (*Bryonia alba*),
smrtolno zelina, *šmrtolno zelina* — дягиль лекарственный
 (*Archangelica officinalis*),
vředova zelina — рута душистая (*Ruta graveolens*).

Дальнейшее исследование этноботаники региона расширило этот список, добавились четыре растения и одно синонимическое наименование:

muska zelina — хвощ лесной (*Equisetum silvaticum*),
ňeštofči, *ňeštufka* — вороний глаз четырехлистный (*Paris quadrifolia*),
ňetota — плаун булавовидный (*Lycopodium clavatum*),
serdečňik — трясунка средняя (*Briza media*),
truč'ina — бешеная ягода (*Atropa bella-donna*).

Внутренняя форма приведенных выше номинаций была для рядового носителя языка вполне прозрачна и могла рассматриваться как однозначная «инструкция по применению» этого растения в народной медицине.

Здесь мы находим несколько способов мотивации, которые можно считать типичными:

1) название органа или части тела, на которую растения воздействуют (например, *serdečňik*, *plučník*, *bjedřuňec*);

2) заболевание, для лечения которого они используются (например, *ňeštofči*, *hlistňik*, *hluzak* или словосочетания типа *skřotkova zelina*, *vředova zelina*);

3) результат воздействия, лечебный эффект (например, *čiščica*, *truč'ina*, *smrtolno zelina*, *dobromyšl*, *koštyfol*);

4) человек или животное, для лечения которых используется растение (*muska zelina*, *krafska zelina*).

В народных наименованиях растений прослеживается тенденция к однословности; в этноботанике и этнозоологии с их преимущественно практической направленностью необходимости в точном разграничении отдельных видов внутри родов, как в научном естествознании, не было². Наряду с преобладающими однословными наименованиями часто встречаются номинации-словосочетания, образованные с помо-

² В народной культуре для обозначения некоторых внешне сходных видов трав, деревьев, грибов, пресмыкающихся, птиц, грызунов или насекомых до сих пор используются названия таксонов, и эти названия могут относиться к разным видам растений и животных.

щью существительного *zelina* (т. е. растение, обычно лекарственное) и прилагательного-атрибутива (см. уже упомянутые *muska*, *notkova*, *skřotkova* или *smrtolno zelina*, *vředova zelina*)³.

Попутно отметим небезынтересный факт, имеющий отношение к глубинным принципам номинации, связанным с традиционной духовной культурой, — во всех случаях речь идет исключительно о травах: среди наименований лекарственных растений, мотивированных их лечебным действием, мы не найдем ни дерева, ни кустарника.

Рассмотрим отдельные наименования и мотивационные признаки каждого из них более подробно.

1. Часто номинация восходит к части тела, на которую использованное растение должно было оказывать эффект. *Plučník* — медуница лекарственная (*Pulmonaria officinalis*) применялась как лекарство для легких: против изъязвления легких, откашливания кровью и туберкулеза легких — часто в чайных смесях вместе с другими травами, обеспечивающими аналогичный лечебный эффект (Vluka 1900: 341). На чешском языке название растения *plicník* давно зафиксировано в переводах произведений Пьетра Андрея Маггиоли, а В. Махек считает его опосредованной калькой из латыни (Machek 1954: 190–191). Заслуживает особого внимания тот факт, что это наименование настолько вписывалось в наивную картину мира той эпохи, что прижилось в Тешинской Силезии (и не только в ней) в неискаженной форме.

К этой же группе относится и *serdečník* — трясунка средняя (*Briza media*), которая в с. Грчава в виде отвара применялась против учащенного сердцебиения (Stolařík 1958: 211).

Bjedřůňec, *bederňik*, *bederňica* — бедренец камнеломковый (*Pimpinella saxifraga*) у древних славян считался травой, дающей при ее применении в народной медицине общий профилактический и терапевтический эффект и обладающей магическими свойствами, и эта вера сохранялась в народной культуре очень долго. Об этом свидетельствуют наименования этого растения в древнечешском и других славянских языках, ср. польск. *biedrzyniec*, словац. *bederňik*, *bedrovník*,

³ В наименованиях типа *hlucha pokřiva* (яснотка белая, *Laminum album*) или *vlči střešňa* (крушина слабительная, *Ramnus cathartica*) в основном актуализируется сходство формы с известным растением, которое считается так или иначе семантически первичным и от которого с помощью прилагательного образуется название более редкого или менее значимого растения. Однако их изучение находится за пределами данного исследования.

хорват. *bedrenika*, словен. *bedrenec*, рус. *бедренец* и родственные украинские и белорусские наименования. Считалось, что растение эффективно также при лечении болезней желудка, отравлений и инфекционных заболеваний, в том числе холеры и «чумы»⁴. Растению приписывались магические свойства, заключающиеся в обеспечении плодородия и защите от колдовства. Однако уже в то время, к которому восходят сохранившиеся письменные свидетельства, связанные с народной медициной, бедренец камнеломковый потерял значение, которое он имел когда-то. В современной медицине бедренец используется совершенно иначе; его влияние на пищеварительный тракт считается недоказанным (Schönfelder I., Schönfelder P. 2014: 336).

Для лечения болей в животе использовалась *potpava* — лапчатка прямостоячая (*Potentilla erecta*) (Machek 1954: 102). Отвар или спиртовую настойку пили при болях в желудке (Vluka 1900: 341), а очищенные корни ели также при болях в желудке и метеоризме (Stolařík 1958: 217). В г. Орлова *potpava* считалась очень эффективной в сочетании с бедренцом камнеломковым (*Pimpinella saxifraga*) (Vyhlídal 1901: 222). При диарее и легких воспалениях желудочно-кишечного тракта ее рекомендует и современная медицина. В народной магии ее считали «семизамковой» травой (*sedmizámková zelina*), которая позволяла замечать обман и мошенничество и защищать от них того, кто ее носил с собой.

Krvavňik, krvovňik — тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium*) — имеет ту же номинацию, что и в польском языке — *krwawnik*. Казимир Мошинский пишет, что он «у славян имеет очень разные названия, но всегда используется при лечении болезней, где в той или иной форме появляется кровь: при ранах, кровотечении, кровохарканье, геморрое» (Moszyński 1934: 224). В Тешинской Силезии соком тысячелистника протирали кровоточащие раны (Stolařík 1958: 219; Čižmář 1946: 195), в с. Грчава отвар из зелени пили при малокровии и, смешав со сливками, прикладывали к выбитому пальцу (Stolařík 1958: 219). В основе использования растения лежало, безус-

---

4 Лексема «чума» в истории использовалась для обозначения не только болезни, которую мы сегодня называем этим термином (лат. *pestis*), но и целого ряда тяжелых инфекционных заболеваний: «Наказание в виде пандемий... люди обозначали словом “чума”. В совокупности словом *чума* обозначались эпидемии холеры, тифа, гриппа или дифтерии» (Raclavská 2015: 89). Этот факт необходимо учитывать, сталкиваясь с терапевтическими предписаниями определенного периода времени.

ловно, наблюдение, ведь противовоспалительное и противомикробное действие содержащихся в данном растении веществ признаёт и современная фармакология.

2. Вторая группа состоит из наименований, мотивированных названием болезни, для лечения которой растение использовалось. Представления об этиологии болезней вписывались в наивную картину мира, поэтому причины возникновения заболеваний связывали с демонами, колдунами, сглазом или же нарушением религиозных и других запретов, за которые потусторонние силы наказывали. Древние славяне рассматривали болезнь как состояние, являющееся результатом воздействия нечистой силы на человека или животное. Такими злыми духами считались также демоны болезней. Из исследованных нами это, например, известная на всех чешских землях *nátka* — *notka*, антропоморфное демоническое существо, которое вызывало одноименную болезнь, и *vřed* — *vřyt*, в Силезии же также *koltun* или *skřítek* — *skřotek* (Čižmář 1946: 11, 121). Образование и просвещение (школа, календари, популярные медицинские руководства) способствовали исчезновению суеверий, однако названия, отсылающие к мифологии, в той или иной степени сохранялись до недавнего времени; в Тешинской Силезии они до сих пор встречаются в народной фразеологии (*koltun*, *vřyt*).

Внутренняя форма номинации очанки лекарственной (*Euphrasia rostkoviana*) *bradavník* прозрачна и для современного носителя языка. Это растение использовалось для лечения бородавок (Machek 1954: 215; Vyhliďal 1901: 220), хотя о способе его применения в настоящее время уже ничего не известно. Можно предположить, что речь шла о наружном применении. Современная фармакология не относит очанку лекарственную к специальным лекарственным растениям и приписывание ей терапевтического эффекта считает необоснованным (Schönfelder I., Schönfelder P. 2014: 184).

Hlistník или *hlistovačník* — золототысячник приморский (*Centaureum vulgare*) — использовался в виде отвара для борьбы с гельминтами (*hlisty*) у детей и для лечения проблем с желудком. Современная медицина использует золототысячник отдельно или в сочетании с другими растениями для лечения некоторых расстройств пищеварения, однако противопаразитарное действие этого растения не доказано (*ibid.*: 110).

Вороний глаз четырехлиственный (*Paris quadrifolia*), называемый *neštofči* или *neštufka*, использовали для лечения оспы, непосредственно накладывая на язвы плоды или промывая их настоем растения

(Vluka 1900: 339; Vyhřídál 1901: 223). Можно предположить, что основной номинации могло стать визуальное сходство ягоды и оспенного волдыря.

Термин *matično zelina olivova*, используемый для обозначения мяты длиннолистной (*Mentha incana*), непосредственно мотивирован наименованием семядоли — *matka*. Согласно народным представлениям, мята лечит болезни и боли в матке (Vluka 1900: 339; Vyhřídál 1901: 223) и использовалась, например, для лечения заболеваний, сопровождаемых влагалищными выделениями. В. Махек, однако, убежден, что в номинации этого растения отразилось распространенное представление о мяте как «матери всех трав» (Machek 1954: 203).

Наименование морозника зеленого (*Helleborus viridis*) *hluzovjec*, *hluzak* происходит от названия тяжелой и сравнительно часто встречающейся в горной части Тешинской Силезии детской болезни *hluzá*, сопровождающейся потерей аппетита, рвотой, диареей и вызывающей остановку роста ребенка (Čižmář 1946: 256; Hrozek 1945: 12). Причиной болезни считалась «слабая кровь», в теле ребенка поселялась *hluzá*, которая росла, «созревала» и, когда она лопалась, приводила к летальному исходу. Поэтому ее старались изгнать из тела окуриванием *hluzovcem*, а также используя довольно популярный в народной медицине порошок⁵.

Труднее объяснить мотивацию наименования растений, используемых для лечения болезней, называемых в народной культуре *koltun*, *vřyt* и *notka*, так как проявления каждой из них достаточно разнообразны и с точки зрения современной медицины представляют собой симптомы широкого спектра болезней⁶. *Koltunova zelina* — одно из синонимичных названий переступня белого (*Bryonia alba*)⁷.

---

5 Й. Чижмарж сообщает об аналогической мотивировке названия другого растения — норичника шишковатого (*Scrophularia nodosa*), который «помогает от *hluzu* или *ochvatu*» (Čižmář 1946: 194), т. е. туберкулеза лимфатических узлов.

6 Следует отметить, что *bohyně* (знахарки) в соседних Валахии и Моравских Копаницах различали все внутренние болезни именно в соответствии с этими тремя категориями: *nátka*, о девяти типах которых упоминалось в заклинаниях, *vřed*, которых должно было быть тридцать, и *choldún* (Čižmář 1946: 137; ср. Hrozek 1945: 22–24).

7 Йозеф Влука (Vluka 1900: 341), который в своих работах описывал чешскую Силезию в целом, указывает на тот факт, что название *koltunova zelina* в Олавской Силезии используется для плауна булавовидного

Его использовали при лечении болезни, проявлявшейся по-разному, которую называли *koltun* (подробнее см. Vyhlídal 1902: 213–214; Hrozek 1945: 22–24). С анимистическими суевериями тесно связано и иное обозначение этой болезни, ее проявления и причины одновременно — *skřotek* (т. е. гном). Поэтому мы можем предположить, что тешинско-силезский термин *skřotkova zelina* является результатом тех же номинативных процессов⁸. Народ верил, что *колтун* живет в каждом человеческом организме, а когда активизируется, проявляется в виде болезни. Спровоцировать *колтун* могли сильные негативные эмоции: гнев, печаль, испуг и т. п. Выражаясь средствами современной профессиональной терминологии, *колтун* был психосоматическим расстройством. Феномену *колтун* в Полесье на широком славянском фоне посвящено недавнее исследование Е. Е. Левкиевской (Левкиевская 2016), в котором можно найти подробные сведения о том, как представляли природу заболевания в народной культуре и как его лечили.

В Тешинской Силезии в зависимости от внешних проявлений различали четыре типа *колтуна* (Vyhlídal 1901: 213–214; Hrozek 1945: 22–24):

1) *koltun kudlaty* — «завитый», проявляющийся в спутывании волос, часто сопровождающемся выраженным раздражением кожи головы. Магические практики и закутывание головы должны были способствовать тому, чтобы *koltun kudlaty* вышел из тела к волосам и оставил тело в покое;

2) *koltun paskudny* — «лакомый», повышал аппетит, обычно больному хотелось запретной или недоступной пищи, и если желание не было немедленно удовлетворено, то *колтун* «скручивал» больного;

3) *koltun suchy* — сухой, вызывал сильную боль в желудке или в костях и мог привести к их деформации;

4) *koltun mokry* — «влажный», вызывал гнойные воспаления суставов, возможно, и подагру.

(*Lycoperidium clavatum*), не родственного переступню, а «женщины влетают траву в волосы, чтобы им не навредил» *koltun* (ibid.: 339). Ср., например, укр. *колтунник*.

⁸ Мы придерживаемся этой гипотезы и не разделяем мнение В. Махека, который опирается на широко распространенное в чешских землях убеждение, что из корня переступня можно вырастить гнома, который будет заботиться о материальном благополучии владельца дома (Machek 1954: 227)

От *колтуна* избавлялись двумя способами: *завитый колтун* с помощью соответствующих магических практик мог быть отрезан, унесен из дома и спрятан в безопасном «нейтрализующем» его месте; остальные виды лечились. Пока *колтун* не «созрел», т. е. не слипся окончательно, лечить его было нельзя, потому что тогда бы он мог трансформироваться в более тяжелую болезнь (сумасшествие и т. д.). Он мог быть вылечен только при определенных обстоятельствах (в полнолуние, при хорошей погоде, по истечении восьми недель и т. д.) (Vyhlídal 1901: 213; Левкиевская 2016). В возможности трансформации *колтуна* в психическую болезнь, а также в запрете его стричь можно видеть отражение мифологических представлений, связанных с волосами, и приписывавшиеся волосам магические функции.

Vředova zelina — рута душистая (*Ruta graveolens*) — применялась в качестве отвара при судорогах и болях в животе, особенно у детей (Vluka 1900: 341). Эффективность применения этого растения при указанных симптомах подтверждает и современная фармакология. Болезнь, называемая в Тешинской Силезии *vřut*, имеет различные проявления; судя по представлениям, записанным в соседнем карпатском регионе Моравские Копаницы, их в общей сложности «тридевать» (Dobšovicová-Pintířová 2018: 106). Антонин Грозек, анализируя материалы из Тешинской Силезии (окрестности г. Фридека), пишет: «Болезнь проявлялась самым разным образом, и поэтому ее также по-разному лечили». Это позволяет нам поставить под сомнение правомерность предположений об этимологической связи слова *vřed* с эпилепсией⁹.

Notkova zelina, *notkovjanka* или кратко *notka*, *natka* — мята полевая (*Mentha arvensis*) — использовалась для лечения больных с помощью окулирования ею (Hrozek 1945: 30). Название происходит от болезни *nádcha*, диал. *notka*, — которую представляли в виде антропоморфного демонологического персонажа, обходившего жилища и обращавшегося к людям по имени. Если они откликались, они заболели. Считалось, что существует девять видов этой болезни, например ломкая, колючая, кровяная, сосудистая и т. д. (Maur 2007: 626). С. М. Толстая недавно высказала предположение о происхождении чешских названий *nádcha* и *natka* от разных слов и указала на семантические параллели с восточно- и южнославянским ареалом (Толстая 2019).

⁹ В. Махек неоправданно упрощает, когда выводит такое этимологическое значение, указывая, что растение «применялось для лечения болезней — родимчика, падучей болезни у детей» (Machek 1954: 137).

Любопытно, что Й. Чижмарж указывает еще пять растений, имеющих разные производные названия типа *nádchové byliny* (Čižmář 1946: 186). В Силезии о мяте полевой говорят: *Natka* — *fšech zelin matka* (*Намка* — мать всех трав) (Vluka 1900: 339), так как считается, что она обладает целебной силой всех других трав. Однако именование различных видов лекарственных растений «матерью» или «королевой» всех трав не является в чешской этноботанике редкостью и часто встречается даже в пределах одного этнографического региона: так могут называть разные травы, в общий терапевтический эффект которых верят.

Отсылку к практикам народной медицины можно усмотреть в названиях подорожника (виды *Plantago*) *pobapčane listki*, *babi listi*, *babi listek* или *babi uši*. Траву в качестве лекарственного средства часто использовали *baby* — целительницы, что отразилось и в названиях листьев подорожника, имеющих характерную форму, которые собирают знахарки; лексема *ucho* отражает сходство с формой уха, особенно уха животного. Однако В. Махек считает, что номинация *babi uši* возникла как контаминация народных названий *volské ucho*, *sviní ucho* и *babí list* (Machek 1954: 218). В чешских землях подорожник использовался не только как средство от кашля (Vyhlídal 1901: 224), но главным образом для заживления различных ран. В с. Грчава его листья прикладывали к открытым ранам и считали, что их, в отличие от листьев подорожника ланцетолистного (*Plantago lanceolata*), нужно тут же снимать с раны, «так как они вытягивают живое мясо» (Stolařík 1958: 217).

3. К наименованиям, мотивированным воздействием растения на человека, относятся, например, *dobro mysl*, *dobra mysel*, *dobromyšl*, *dobromyšel*, *dobrotňica* — душица обыкновенная (*Origanum vulgare*). Название в этой форме встречалось уже в старину, когда эта трава использовалась в виде отвара при нервных заболеваниях, головных болях, «сердечных болях от горя» (Machek 1954: 218), но главным образом для окуривания жилища, «чтобы в нем было благополучие» (ibid.: 201–202). В с. Грчава отвар душицы применялся также для лечения гнойных ран, а в истолченной форме она использовалась для лечения поврежденной кожи (Stolařík 1958: 217). Для того чтобы лечение было эффективным, душица должна быть сорвана перед днем Иоанна Крестителя (24 июня).

Koštyvol, *koštyfol*, *koščivol* — окопник лекарственный (*Symphytum officinale*) — старочешское наименование, состоящее из компонентов *kost* и *bal* — *balovati*, т. е. лечить (Machek 1954: 191). Очищенный,

истолченный и смешанный с жиром (салом или сливочным маслом) его корень использовался при повреждениях опорно-двигательного аппарата: травмах костей, суставов и сухожилий, в простонародии — «костей». Это действие в славянской культуре общеизвестно, и тот факт, что окопник помогает при сращивании костей после переломов, становится мотивационным признаком, который лежит в основе номинаций этого растения в контактной зоне славянских языков: словац. *kostihoj*, польск. *żywokost*, белорус. *жывако́ст*, укр. *живоки́ст*¹⁰.

В опубликованных полевых материалах только в с. Грчава фиксируется название *čiščica*. Там, как пишет И. Столаржик, оно обозначает марьянник лесной (*Melampyrum silvaticum*). Его использовали чаще всего в народной ветеринарии для окуривания скота; в лечении людей его применяли в форме отвара при болезнях желудка. В народной традиции считается, что он помогает только в том случае, если его собрать на праздник Травной Божьей Матери (*Matka Boža zelna*), 14 августа, а на следующий день освятить в церкви (Stolařík 1958: 216). Внутренняя форма наименования этого лекарственного растения говорит о его способности очищать. В. Махек приводит аналогичное чешское литературное наименование *čistec lesní* — чистец лесной (*Stachys silvatica*) в числе так называемых «очищающих» растений, обладающих способностью очищать раны и язвы (Machek 1954: 198). Фармацевт Йозеф Чижмарж знает о другом виде чистеца — бодяке полевом (*Cerasium arvense*), о котором говорят, что в разных регионах его используют для «очищения глаз», обмывания тела при рахите и лечении ряда заболеваний путем окуривания тела (Čižmář 1946: 186, 194), и соглашается с известным чешским этнографом Любором Нидерле, считавшим название *чистец* общеславянским.

Нередко лекарственное растение является ядовитым, поэтому и в тешинско-силезской этноботанике встречается наименование *truč'ina*, бешеная ягода (*Atropa bella-donna*), производное от глагола *truč'* 'травить, отравлять' и непосредственно указывающее на высокую токсичность растения. Так называемая «кора» этого растения, одеревенелая поверхность стебля, в с. Грчава использовалась в небольших количествах. При этом лечебный эффект зависел от способа, которым эта «кора» была получена: чтобы вызвать рвоту, в четверти

---

10 К. Мошинский ошибочно полагает, что польское наименование *żywokost*, скорее всего, является калькой немецкого *Beinwell* или *Bémwell* (Moszyński 1934: 226). В. Махек не принимает этого предположения, так как в немецком языке это, наоборот, заимствование из славянских языков.

литра воды заваривали щепотку «коры», соскобленной в направлении вверх; чтобы вызвать слабительный эффект, эта щепотка должна была быть соскобленной вниз (Stolařík 1958: 222). Очевидна связь с направлением опорожнения человека.

Интересным наименованием, указывающим на лечебный эффект «от обратного», является *smrtolno zelina*, *šmrtolno zelina* — дягиль лекарственный (*Archangelica officinalis*). Название отражает веру человека в абсолютную действенность растения: «...если оно не поможет против какой-либо болезни, то уже не поможет никакое растение» (записано в г. Орлова, Vyhřídál 1901: 222). Та же вера в непременно наступающий лечебный эффект от применения дягиля отражена и в другом его тешинско-силезском наименовании *and'elica*, *and'elika*, в основе которого лежит мотивационный признак «помощь ангела». Этот признак лежит и в основе латинского наименования этого растения *Archangelica*, поэтому здесь нельзя говорить о том, что эта номинация является народной славянской. По мнению П. А. Маттиоли, это название связано с верой в то, что дягиль эффективен настолько, как если бы на него указали человеку сами ангелы. Можно считать, что причиной возникновения этого названия является общее успокаивающее действие дягиля и, следовательно, возможность применять его для лечения широкого спектра заболеваний. В Тешинской Силезии корень дягиля часто использовался в народной медицине для лечения желудочно-кишечного тракта. Дягиль лекарственный вместе с бедренцом камнеломковым, подорожником ланцетолистным и мятой был одной из так называемых мощных трав, которые должны были оказывать общее лечебное действие (Junková 2007: 466).

Очень тесно с народной магией был связан плаун булавовидный (*Lycoperidium clavatum*), известный под названием *ňetota*. По словам В. Махека, его наименование указывает на его использование в магических абортивных практиках. Эта номинация представляет собой табуированное образование, о чем свидетельствует факт, что названия *netata*, *netáta* отмечены в другом месте для можжевельника, используемого с той же целью (Machek 1954: 27, 39). В соседней Словакии считали, что плаун также обладает противозачаточными свойствами (Čižmář 1946: 190).

4. К последней, небольшой группе наименований относятся словосочетания с существительным *zelina* (т. е. трава), в которых присутствует указание на использование растения для лечения определенных людей или животных. Одно из известных в Тешинской Силезии наименований переступня белого (*Bryonia alba*) *krafska zelina* — «ко-

ровья трава» — отражает его применение исключительно в ветеринарии. Корень данного растения, который является сильнодействующим слабительным, использовали для лечения запоров и вздутия живота у коров. Весьма распространенным в Чехии было поверье, что натертый корень данного растения, будучи добавленным в выпитую коровами воду, повышает удои коров и жирность молока. Была известна и магическая практика, при которой корень (антропоморфной формы) погружали в только что надоенное молоко. Бытовало мнение, что данное растение бывает «мужским», «женским» или «скотным» и от этого зависит, кого (человека или корову) данным растением следует лечить. Определялась же эта характеристика в зависимости от того, на что становился похож корень семилетнего переступня. Непосредственная связь данного растения с мифологическими представлениями и с верой в его магические свойства позволяет предположить, что *krafska zelina* отражает языковое табуирование.

Однозначно под его влиянием образовано наименование *muska zelina* — «мужская трава», хвощ лесной (*Equisetum silvaticum*). Полевой материал из с. Грчава указывает на то, что в отвар хвоща обмакивали воспаленный мужской половой орган. Отвар использовался и для внутреннего применения при кровохарканье (Stolařík 1958: 218). Действенность обоих способов применения хвоща подтверждает и современная фармакология (Schönfelder I., Schönfelder P. 2014: 174–175).

Анализ названий лекарственных растений, мотивированных их лечебными свойствами, позволяет говорить об уровне народной медицины и о восприятии окружающего мира нашими предками. Прозрачная внутренняя форма этих названий, являющаяся своего рода «инструкцией по применению» лекарственных трав, может служить доказательством того, что эти растения играли важную роль в народной медицине. Связь некоторых номинаций с народной мифологией отражает понимание этиологии болезней в народной культуре. Следует отметить, что материал нуждается в дальнейшем изучении и обобщении.

Литература

Агапкина 2010 — Агапкина Т. А. Болезнь // Славянская мифология: энциклопедический словарь / под ред. С. М. Толстой. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2010. С. 50–51.

Левкиевская 2016 — *Левкиевская Е. Е.* Колтун // Народная демонология Полесья / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. Т. 3. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 242–266.

Толстая 2019 — *Толстая С. М.* Чеш. *nádcha, náčha, nátká* и их южнославянские параллели // *Толстая С. М.* Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019. С. 531–539.

Усачева 2010 — *Усачева В. В.* Колтун // Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. С. М. Толстой. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2010. С. 238–239.

Cienciała 1983 — *Cienciała E.* Zioła i ich zastosowanie // *Biuletyn ludoznawczy. Zeszyt 13.* 1983. S. 143–150.

Čižmář 1946 — *Čižmář J.* Lidové lékařství v Československu. Brno: nákladem dětí autora, 1946. 328 s.

Davidová 1992 — *Davidová D.* Kapitoly z dialektologie. Ostrava: Ostravská univerzita v Ostravě, 1992. 95 s.

Dobšovicová-Pintířová 2018 — *Dobšovicová-Pintířová D.* Žitkovské bohyň. Lidová magie na Moravských Kopanících. 2. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2018. 155 s.

Hladká 2000 — *Hladká Z.* Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. K sémantickému tvoření lexikálních jednotek v nářečích. Brno: Masarykova univerzita v Brně, 2000. 243 s.

Hrozek 1945 — *Hrozek A.* Jak se na Frýdecku léčovalo. Frýdek: Občanská záložna ve Frýdku, 1945. 35 s.

Junková 2007 — *Junková J.* Léčivé rostliny // Lidová kultura. Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska / ed. S. Brouček, R. Jeřábek. Věcná část A–N. Sv. 2. Praha: Mladá fronta, 2007. S. 465–468.

Kosík 1941 — *Kosík V.* Slovník lidových názvů rostlin. Praha: Školní nakladatelství pro Čechy a Moravu v Praze, 1941. 139 s.

Kulendíka, Vrlová 2001 — *Kulendíka P., Vrlová V.* Lidové léčitelství // Těšínsko III / ed. J. Štika, I. Stolařík. Šenov u Ostravy: Tilia, 2001. S. 175–185.

Machek 1954 — *Machek V.* Česká a slovenská jména rostlin. Praha: Nakladatelství ČSAV, 1954. 386 s.

Maur 2007 — *Maur E.* Nemoci // Lidová kultura. Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska / ed. S. Brouček, R. Jeřábek. Věcná část A–N. Sv. 2. Praha: Mladá fronta, 2007. S. 625–626.

Moszyński 1934 — *Moszyński K.* Kultura ludowa słowian. Część 2: Kultura duchowna. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1934. 722 s.

Raclavská 2015 — *Raclavská J.* Protimorová opatření a jejich realizace v praxi lidového léčitelství na Těšínsku // Léčení a léčitelství v lidové tradici /

ed. P. Číhal. Uherské Hradiště: Slovákcké muzeum v Uherském Hradišti, 2015. S. 89–97.

Rystonová 2007 — *Rystonová I.* Průvodce lidovými názvy rostlin i jiných léčivých přírodnin a jejich produktů. Praha: Academia, 2007. 736 s.

Schönfelder I., Schönfelder P. 2014 — *Schönfelder I., Schönfelder P.* Léčivé rostliny. 2. vyd. Praha: Ottovo nakladatelství, 2014. 496 s.

Stolařík 1958 — *Stolařík I.* Hrčava. Ostrava: Krajské nakladatelství Ostrava, 1958. 318 s.

Vilímek 2015 — *Vilímek V.* Rostliny používané na Těšínském Slezsku v lidovém léčitelství a jejich názvy // Léčení a léčitelství v lidové tradici / ed. P. Číhal. Uherské Hradiště: Slovákcké muzeum v Uherském Hradišti, 2015. S. 139–162.

Vluka 1900 — *Vluka J.* Slezská «aptyka» (lékárna) čili snůška prostonárodních léků rostlinných ze Slezska // Český lid. 1900. Roč. 9. Č. 5. S. 338–341.

Vyhlídal 1901 — *Vyhlídal J.* Naše Slezsko. 2. vyd. Praha: Jan Vyhlídal, 1901. 133 s.

Vyhlídal 1902 — *Vyhlídal J.* Skříték (skřotek, koltun) ve vlasech po názoru lidu českého ve Slezsku // Český lid. 1902. Roč. 11. S. 192.

References

Agapkina, T. A. “Bolezn’!” *Slavianskaia mifologija: éntsiklopedicheskiš slovar’*, ed. by S. M. Tolstaya, 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2010, p. 50–51.

Cienciała, E. “Zioła i ich zastosowanie.” *Biuletyn ludoznawczy*, zeszyt 13, 1983, s. 143–150.

Čižmář, J. *Lidové lékařství v Československu*. Brno: nákladem dětí autora, 1946, 328 s.

Davidová, D. *Kapitoly z dialektologie*. Ostrava: Ostravská univerzita v Ostravě, 1992, 95 s.

Dobšovicová-Pintířová, D. *Žitkovské bohyně. Lidová magie na Moravských Kopanicích*. 2. vyd., Brno: Masarykova univerzita, 2018, 155 s.

Hladká, Z., *Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. K sémantickému tvoření lexikálních jednotek v nářečích*. Brno: Masarykova univerzita v Brně, 2000, 243 s.

Hrozek, A. *Jak se na Frýdecku léčovalo*. Frýdek: Občanská záložna ve Frýdku. 1945, 35 s.

Junková, J. “Léčivé rostliny.” *Lidová kultura. Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska. Věcná část A–N*, ed. S. Brouček, R. Jeřábek, sv. 2, Praha: Mladá fronta, 2007, s. 465–468.

Kosík, V. *Slovník lidových názvů rostlin*. Praha: Školní nakladatelství pro Čechy a Moravu v Praze, 1941, 139 s.

Kulendíka, P., and V. Vrlová. "Lidové léčitelství." 2001. *Těšínsko III*, ed. J. Štika, I. Stolařík, Šenov u Ostravy: Tilia, 2001, s. 175–185.

Levkievskaya, E. E. "Koltun." *Narodnaia demonologija Poles'ia*, compl. L. N. Vinogradova, E. E. Levkievskaja, vol. 3, Moscow: LRC Publishing House, 2016, p. 242–266.

Machek, V. *Česká a slovenská jména rostlin*. Praha: Nakladatelství ČSAV, 1954, 386 s.

Maur, E. "Nemoci." *Lidová kultura. Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska. Věcná část A–N*, ed. S. Brouček, R. Jeřábek, sv. 2, Praha: Mladá fronta, 2007, s. 625–626.

Moszyński, K. *Kultura ludowa słowian. Część 2, Kultura duchowna*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1934, 722 s.

Raclavská, J. "Protimorová opatření a jejich realizace v praxi lidového léčitelství na Těšínsku." *Léčení a léčitelství v lidové tradici*, ed. P. Číhal, Uherské Hradiště: Slováké muzeum v Uherském Hradišti, 2015, s. 89–97.

Rystonová, I. *Průvodce lidovými názvy rostlin i jiných léčivých přírodnin a jejich produktů*. Praha: Academia, 2007, 736 s.

Schönfelder, I., and P. Schönfelder. *Léčivé rostliny*. 2. vyd., Praha: Ottovo nakladatelství, 2014, 496 s.

Stolařík, I. *Hrčava*. Ostrava: Krajské nakladatelství Ostrava, 1958, 318 s.

Tolstaya, S. M. "Chesh. *nádcha, náčha, nátk* i ikh iuzhnoslavianskie paralleli." *Mir cheloveka v zerkale iazyka. Ocherki po slavianskomu iazykoznaniiu i étnolingvistik*, by S. M. Tolstaya, Moscow: Indrik, 2019, p. 531–539.

Usacheva, V. V. "Koltun." *Slavianskaia mifologija. Ėntsiklopedičeskij slovar'*, ed. by S. M. Tolstaya, 2nd ed., Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2010, p. 238–239.

Vilímek, V. "Rostliny používané na Těšínském Slezsku v lidovém léčitelství a jejich názvy." *Léčení a léčitelství v lidové tradici*, ed. by P. Číhal, Uherské Hradiště: Slováké muzeum v Uherském Hradišti, 2015, s. 139–162.

Vluka, J. "Slezská 'aptyka' (lékárna) čili snůška prstonárodních léků rostlinných ze Slezska." *Český lid*, roč. 9, č. 5, 1900, s. 338–341.

Vyhlídal, J. *Naše Slezsko*. 2. vyd., Praha: Jan Vyhlídal, 1901, 133 s.

Vyhlídal, J. "Skřítek (skřotek, koltun) ve vlasech po názoru lidu českého ve Slezsku." *Český lid*, roč. 11, 1902, s. 192.

Vítězslav Vilímek
University of Ostrava (Ostrava, Czech Republic),
Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Denominations of Herbs in Těšín Silesia motivated
by their therapeutic effects

This study focuses on the names of medicinal plants which are used in the linguistic area of Těšín Silesia and which have been derived from their effects known in folk human and veterinary medicine. The etymology of the names of these plants was transparent to the average speaker of the language and acted as a clear guide on how to use them. It is therefore a suitable source of ethnolinguistic knowledge. We identify four typical types of motivation: the organ or part of body for which the plant is used; the disease against which the plant is used; the effect; the person or animal for whose treatment the plant is used. Each type is documented using specific examples and aided by analyses of the origin of the name of the plant and its therapeutic use as it is known in Těšín Silesia. In interesting cases, comparison with contemporary Czech and other Slavic languages is also carried out.

Keywords: *herbs, Slavic languages, ethnolinguistics, Czech language, Těšín Silesia, Cieszyn Silesia, ethnobotany.*

Авторизованный перевод с чешского А. А. Изотова